

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Грехи отцов отпускают дети : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101765-1

В элитный подмосковный поселок, где проживают братья Кирсановы — крупный чиновник Павел Петрович и модный художник Николай Петрович, — приезжает после Оксфорда старший сын Николая Петровича Аркадий, а вместе с ним его друг Евгений. Гость сразу не находит общего языка с Павлом Петровичем. Мужчины пикируются, конфликтуют, оскорбляют друг друга. А накануне своего юбилея Павел Петрович неожиданно кончает с собой! И это не последняя странная смерть в особняке Кирсановых, которую предстоит расследовать частному детективу Паше Синичкину и его помощнице Римме...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101765-1 © Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*...Вспомяни меня и призри на меня: не
наказывай меня за грехи мои
и заблуждения мои и отцов моих,
которыми они согрешили пред Тобою!*

(Книга Товита, 3:3)

*Посвящается двухсотлетию со дня
рождения великого русского писателя
Ивана Сергеевича Тургенева*

Все совпадения случайны, все герои и события вымышлены. Все адреса, географические названия, частные и государственные предприятия выдуманы.

Наши дни. 23 июня

...Шторы в комнату задернуты. Ласковое солнечное утро проникает лишь в щелку плотных гардин. Но в комнате горит дневной свет — все девять ламп хрустальной люстры под потолком. Убитый лежит навзничь в разобранной постели. Он несомненно и неотвратно мертв.

Одет Павел Петрович в шелковую пижаму и поверх — в шелковый халат. Глаза открыты, смотрят вверх. На груди, в области сердца, зияет кровавое пятнышко, и кровать под его спиной пропиталась красным. Пальцы правой руки откинута, сведены, свешиваются с кровати. Под ними на ковре валяется пистолет...

Паша Синичкин, частный детектив

Тремя днями ранее

Визитер, пожаловавший в наше сыскное агентство, с трудом скрывал высокомерие. И презрение. По отношению ко всему.

К тому, что наш офис находится бог знает где, на восточной окраине столицы, вблизи МКАДа и парка Кусково; что снимаем мы свои две комнаты в НИИ советских времен с потертым паркетом; что Римка, моя секретарша, конечно, хороша собою и, что называется, с перчинкой, рыжеволосая бестия, однако далеко не губастенькая фотомодель 90–60–90, а на вид скорее девушка из соседнего двора; что, наконец, сам я (вполне намеренно) выгляжу беспонтово, именно так, как, по моему собственному разумению, и должен смотреться частный детектив: неброско, немарко, незаметно — скромный типус, то ли молодой отставник, то ли менажер среднего звена.

Наш же визитер гляделся — а еще больше претендовал, чтобы глядеться, — как настоящий хозяин жизни. Молодой, но хозяин. Изящные манеры, свежий маникюр, стильная прическа. Часы за пару тысяч (долларов). Мокасины телячьей

кожи. Солнцезащитные очки из последней коллекции.

Срочно требовалось поставить его на место. Пусть его порекомендовал мне уважаемый клиент, пусть даже парень готов платить мне «полной горстью» (как выразился рекомендатель), но кто он, спрашивается, такой? Мальчишка. Молоко не обсохло. На вид года двадцать два — двадцать три. Натуральный студент. Или, по максимуму, выпускник.

Однако если б я каждый раз начинал мериться собственным эго с потенциальным клиентом, то, пожалуй, вовсе бы на бобах остался. Нет, давайте все-таки для начала пощупаем его, послушаем. Такие чубрики, которые без понтов, в простоте словечка не выговорят, — в конце концов все-таки выдыхаются и демонстрируют свою истинную суть.

— Что вас привело ко мне? — задал я стандартный вопрос.

— Мне советовали вас нанять, — произнес он таким тоном, что советовать-то ему, конечно, советовали, но теперь, поглядев на меня, он еще крепко подумает.

— По какому случаю?

— Понимаете, тут дело довольно сложное... Мне кажется, что в нашей семье или в нашем доме назревает нечто нехорошее...

— Можно чуть подробнее?

— Понимаете, мой родной дядя, Павел Петрович Кирсанов, в крайних контрах с моим другом Евгением Базаровым...

— А почему вас так волнуют отношения вашего друга с вашим дядей?

Тут он что-то заюлил:

— Понимаете, скоро у моего дяди юбилей. В эту субботу. Пятьдесят лет. Грядет большое празднование. Гости. И я боюсь, что как раз в эти дни между ним и Евгением произойдет решающий конфликт и дело плохо кончится.

— Зачем тогда ваш дядя друга вашего на этот самый юбилей приглашает, если терпеть его не может?

— У моего отца и дяди дом — один на двоих, общий. И мы с папашей — ну, точнее, я — пригласили Евгения пожить у нас. И нам теперь неудобно вдруг выгонять его. Из-за того, что у них с дядей так фатально отношения между собой не сложились. Поэтому деваться некуда, он будет и на юбилее присутствовать. А там — много народу, публика, выпивка. А дядюшка мой — личность демонстративная, любит покрасоваться. И я боюсь, как бы вражда между ним и Евгением не вспыхнула и не омрачила праздник для нас для всех.

— И вы что, приглашаете меня в качестве громоотвода? Телохранителя?

— Можно выразиться и так.

— Телохранителя для вашего друга? Или дяди? Молодой человек усмехнулся.

— Для них обоих. Мы вас представим собравшимся как частного детектива. И в вашем присутствии, я думаю, они оба поостерегутся далеко

заходить в своей вражде. Не станут усугублять конфликт.

Бес тянул меня за язык — сказать, что, может, им лучше наряд милиции, в форме и с дубинками, вызвать, дешевле станет. Однако я все-таки сдержался. Хотя, откровенно говоря, меня никогда не подряжали на столь странное дело.

— Какая у вас такса? И условия?

Я сказал и добавил:

— А вас я прошу обрисовать сложившуюся ситуацию более отчетливо. Кто, как говорится, из ху, и ху есть кто.

* * *

Когда мы ударили по рукам и клиент уехал, я поделился своими впечатлениями о нем с секретаршей и помощницей Римкой.

До недавних пор я держал Римму в качестве бессловесной исполнительницы: узнай, определи, свари кофе. Однако после недавних расследований¹ оказалось, что она немало от меня научилась и способна не только самостоятельно мыслить, но и действовать. Посему я стал с нею делиться деталями своих изысканий, рассказывать о посетителях — авось что подскажет разумное.

¹ Подробнее об этом можно прочесть, например, в повести Анны и Сергея Литвиновых «Почтовый голубь мертв». Личным взаимоотношениям частного детектива Паши Синичкина и Риммы посвящен также роман Литвиновых «Бойся своих желаний».

Я передал ей свой разговор с заказчиком — звали его, кстати сказать, Аркадием Николаевичем Кирсановым — и девушка подтвердила мои сомнения: что-то юный хлыщ недоговаривает, что-то темнит.

Но все-таки мы решили, что я разберусь на месте. Раз желают моего присутствия на «днюхе» — почему бы не поехать, не выступить в роли городского на рабочей стачке или ростовардейца на оппозиционном митинге. Для остротки, как бы чего не вышло.

Тем более — погода прекрасная, начало лета, а в подмосковном особняке с участком в полгектара на Рублевке обещается мне отдельная комната и полный пансион.

— Поедем вместе, — даже предложил я Римке.

— О, нет, дорогой Пал Сергеевич! На выходных я занята.

Однако в этой реплике читалось иное: «Мы ведь пробовали уже жить вместе, не правда ли? И ничего не получилось. Не хочу повторяться».

Я смиренно согласился и только попросил помощницу быть на всякий случай на связи.

Забегая вперед, хочу сказать, что помощь Римки мне в итоге понадобилась.

Николай Петрович Кирсанов (младший)

*Десятью днями ранее —
за две недели до убийства*

Аэропорт Шереметьево, терминал Д

Брат предлагал Николаю Петровичу отправить встречать лимузин с шофером Глебом, но тот отказался. Как это он не встретит сыночка! Сам, в аэропорту! Поэтому велел закладывать свой «БМВ» — и марш, марш, на рысях поскакал от своего имени, где проживал с братом Павлом Петровичем, аккурат в Шереметьево.

Оставил автомобиль на стоянке. Сначала даже поколебался: заплатить, может, полной горстью и подогнать авто к самому входу в аэровокзал? Но в последний момент замотился, жаба задушила.

Картины его опять продавались плохо и, что самое стремное, с каждым годом хуже — и, хоть Николай Петрович старался об этом не думать, он все больше начинал финансово зависеть от брата.

Брат, конечно, ему и слова до сих пор не сказал, но это пока. Хотя не факт, конечно, что скажет. Но все равно следовало поджиматься, прижиматься. А это было и тяжело, и не хотелось.